

ОБ ОДНОМ ЗАБЫТОМ ПОЭТЕ

(Фёдор Иванович Чудаков)

Незадолго до революции в Иркутске вышел в свет «Словарь сибирских писателей, поэтов и учёных» М. Е. Стожа. Как и следовало ожидать, в местных литературных кругах появление этого скороспелого опыта любительской библиографии было встречено без особого восторга. Скорее наоборот: многочисленные пропуски, произвольный отбор имён и особенно пренебрежение фактической точностью, видимое даже невооружённому глазу, сделались мишенью язвительных замечаний рецензентов.

Впрочем, нас интересует сейчас не «Словарь» Стожа сам по себе (сказанное о его недостатках необходимо, как говорится, для полноты картины), а лишь одно попавшее на его страницы «загадочное» имя, которое должно было остановить всякого мало-мальски внимательного читателя. Имеется в виду некий Язва – едва ли не единственный автор, выступающий в «Словаре» под псевдонимом. О нём читаем буквально следующее: «Язва псевдоним – талантливый поэт-фельетонист дальневосточных газет, прекрасно владеет стихом, остроумен. Дарование его широко выбивается из рамок газетного фельетона»¹.

Справка выглядит довольно странной: нет в ней ни биографических сведений об авторе, ни сколько-нибудь точных примет места и времени, которые могли прояснить довольно туманную формулу «поэт-фельетонист дальневосточных газет». За давностью лет трудно объяснить, почему остался нераскрытым его псевдоним (чтобы не умножать число загадок, отнесём этот факт к издержкам любительства). Но есть в приведённой справке и нечто интригующее, заставляющее отнестись к ней с повышенным вниманием. Ещё бы: «талантливый поэт-фельетонист», дарование которого «широко выбивается из рамок газетного фельетона»!

Кто же этот загадочный Язва?

Скажем сразу: в самом этом имени никакой загадки нет: «Язва» – один из многочисленных газетных псевдонимов поэта и журналиста Фёдора Ивановича Чудакова. Чтобы установить этот очевидный факт, достаточно заглянуть в «Словарь псевдонимов русских писателей, учёных и общественных деятелей» И. Ф. Масанова*, где Чудаков характеризуется как «поэт и фельетонист», сотрудничавший в благовещенских газетах.

¹ Стож М. Е. Словарь сибирских писателей, поэтов и учёных. Иркутск, 1916. С. 40.

Эти общие сведения о Чудакове, как и принадлежность ему псевдонима «Язва», подтверждаются другими достаточно авторитетными источниками, например, «Материалами для сибирского словаря писателей» Н. В. Здобнова².

Однако фактические данные о Чудакове, почерпнутые из разных источников, совпадают не во всём. Бросаются, например, в глаза расхождения в датировке смерти «поэта и фельетониста»: в «Словаре псевдонимов» читаем, что Чудаков умер «в 1920-е гг.», в «Материалах» Н. В. Здобнова — «в начале 1918 г.». Разница, как видим, весьма существенная. Некоторые ошибки — плод недоразумения. В перечне благовещенских газет, в которых сотрудничал Чудаков, у И. Ф. Масанова почему-то оказались «Чайка» и «Утёс». Даже читатель, не знакомый с фактической стороной дела, усомнится в этих названиях, для газет явно нетипичных. Действительно, газеты с такими названиями в Благовещенске никогда не издавались. Очевидно, автор «Словаря псевдонимов» имел в виду журнал «Чайка», выходивший в 1918–1919 годах, и альманах «Утёс», единственный выпуск которого появился в 1921 году. Какое отношение они имели к имени и личности Чудакова — об этом будет сказано ниже. Заметим лишь, что Чудаков не мог быть сотрудником названных изданий, поскольку они выходили после его смерти.

Разумеется, в справочниках такого типа, как «Словарь псевдонимов» И. Ф. Масанова, отличающийся поистине редкостной широтой охвата материала, избежать ошибок практически невозможно. К тому же перед нами — словарь псевдонимов, а не биографический (или биобиблиографический) словарь. Составитель его не может и не обязан давать исчерпывающие справки об авторах, тем более что сотни и сотни их не оставили о себе никакой памяти. Словом, не следует строго судить автора «Словаря псевдонимов» за неточности. Лишь на одно обстоятельство хотелось бы обратить внимание.

Раскрывая псевдоним «Язва» (как и другие псевдонимы Чудакова), И. Ф. Масанов ссылается на источники, каковыми в данном случае являются уже известный нам «Словарь» М. Е. Стожа, а также «Материалы для сибирского словаря писателей» Н. В. Здобнова. Как мы уже видели, в первом из названных источников биографических сведений о Чудакове по сути дела нет. Что касается «Материалов» Н. В. Здобнова, то в них

² Здобнов Н. В. Материалы для сибирского словаря писателей. М., 1929.

действительно есть справка о Чудакове, в которой, между прочим, названы и некоторые из его псевдонимов. Есть смысл привести её целиком: «Ч у д а к о в Фёдор Иванович (псевдонимы Амурец, Язва и др.)³ – поэт и фельетонист, сотрудник благовещенских газет; посмертные стихотворения печатались в ж. "Чайка" (Благовещенск, 1918–1919 гг.) и в "Утёсе" (Благовещенск, 1921 г.) Умер в начале 1918 г. в Благовещенске – покончил самоубийством».

Здесь всё верно, если не считать того, что в «Чайке» и «Утёсе» стихотворения Фёдора Чудакова не печатались, а перепечатывались: все они были известны по прижизненным публикациям в местной прессе. К сожалению, Н. В. Здобнов не называет благовещенских газет, в которых сотрудничал Чудаков (не говоря уже о журналах, выходивших при его ближайшем участии или редактировавшихся им), и довольствуется приблизительной датировкой его смерти. Как бы мы ни относились к «Материалам» Здобнова, ясно одно: они не могли быть источником фактических ошибок, имеющих в «Словаре псевдонимов» Масанова. Происхождение этих ошибок, в том числе дезориентирующей читателя даты смерти Чудакова («1920-е гг.»), объяснить трудно.

Однако суть дела не в этом. Внимательный читатель, заинтересовавшись личностью Чудакова, в конце концов, сам разберётся, где и в чём авторами словарей допущены ошибки. Как мы помним, в «Словаре» Стожа Чудаков именуется «талантливым поэтом-фельетонистом», дарование которого «широко выбивается из рамок газетного фельетона». Так ли это на самом деле?

Ответить на этот вопрос совсем непросто: ответ требует не только знания фактов, но и строго критического отношения к ним, умения отделить в литературных опытах Чудакова то, что для современного читателя представляет подлинный художественный интерес, от всего наносного и случайного. Здесь мы действительно стоим перед загадкой – уже не просто имени поэта, а его творчества как явления литературы, ныне фактически забытого.

Отвечает ли приведённая выше оценка действительным масштабам дарования поэта или слово «талантливый» выражает некомпетентное мнение библиографа-дилетанта, вторгшегося в чуждую ему область литера-

³ Назовём здесь некоторые псевдонимы Ф. И. Чудакова, не упомянутые Здобновым: Ф. Ч.; Фёдор Ч.; К. Резниченко; Кузьма Резниченко; К. Рез.; Гусяр; Босяк; Гражданин Уклейкин.

турной критики, и ничего больше? Вопрос отнюдь не риторический. Если перед нами заурядный стихотворец, промелькнувший бледной тенью по столбцам малоизвестных провинциальных газет, смешно и нелепо доказывать, что его творчество достойно внимания сегодняшнего читателя, а тем более утверждать, что его имя обязательно должно быть занесено в летописи отечественной литературы. Талантливый автор, напротив, должен вызывать у нас естественное чувство уважения, особенно если его литературная судьба была трудной, если при жизни он не был избалован вниманием критики, а после смерти и вовсе оказался забытым. Всё здесь как будто бы ясно, вопрос не таит в себе никаких трудностей. Но так ли всё ясно? Ведь для читателя, не знакомого с творчеством Чудакова, не знающего ни одной его строки, выражение «талантливый поэт» – в сущности, пустой звук. К тому же оценка дарования редко бывает безусловной, и читатель вправе отнестись к ней критически, тем более что в данном случае оценка не подкрепляется чьим-либо авторитетным мнением. В самом деле, попробуйте объяснить, почему талантливый поэт попал в число безнадежно забытых, и сошлитесь при этом на драматические обстоятельства его биографии, на условия жизни в провинции, неблагоприятные для развития его дарования, на тяжкое бремя газетной «подёнщины», на незавидную посмертную судьбу его произведений, из коих даже лучшие неизвестны современному читателю (а в случае с Чудаковым, как будет видно из дальнейшего, всё обстоит именно так), – подобная ссылка, при всей её внешней убедительности, вряд ли рассеет сомнения. Напрашивается возражение: ссылка на «роковые» обстоятельства ненаучна, применительно к истории литературы нельзя оперировать столь наивными аргументами.

Тем не менее, нужно признаться: нашего знания фактов биографии и творчества Чудакова недостаточно, чтобы «без страха и сомненья» браться за исправление «ошибок» и давать ответы на возникающие вопросы. Произведения поэта, рассеянные по страницам местных периодических изданий, не собраны вместе, многие из них были изуродованы цензурой. Неизвестна судьба рукописного архива Чудакова (да и был ли он вообще?), и, следовательно, нет сколько-нибудь достоверных сведений о том, какие его произведения – стихотворные и прозаические – остались неопубликованными. А если учесть, что некоторые издания, в которых он печатался, не сохранились (или сохранились в неполных комплектах), какую-то часть литературного наследия Чудакова можно считать навсегда утраченной для сегодняшнего читателя.

Кроме объективных трудностей, умножаемых и усугубляемых «дистанцией времени», существуют трудности субъективные, большей частью внелитературного порядка, которые мешают в полной мере оценить масштабы и значение творчества Чудакова. Мы знаем тьму примеров, когда эпитет «талантливый» употреблялся и употребляется в отношении вполне заурядных авторов. В краеведческих работах, даже стоящих выше «любительского» уровня, такие ошибки особенно часты, причём завышенные оценки диктуются, как правило, самыми добрыми намерениями. Словом, в этом деле надо проявлять достаточную осторожность, не гонясь за сомнительными «открытиями», внешне эффектными, но рассчитанными, в конечном счёте, на неосведомлённого читателя. Что касается Чудакова, то на фоне литературной жизни дальневосточной окраины России в предреволюционные годы он действительно был заметной фигурой – может быть, даже самой заметной, и высокая оценка Стожа – не случайный и не единичный факт признания его таланта, проявившегося, кстати сказать, не только в жанре стихотворного фельетона (Чудаков был прирождённым сатириком), и не только в малых лирических жанрах, но и в жанрах более крупных, включая поэму. Менее органичны для Чудакова опыты в прозе и драматургии (приключенческая повесть «Дочь шамана», повесть «Из детства Ивана Грязнова», пьеса «Изгнанники») ⁴, однако и они несут на себе печать его незаурядного дарования.

Благовещенский поэт Герасим Шпилёв, бывший в начале 1920-х годов редактором «Амурской правды», писал в стихотворении, посвящённом памяти Чудакова:

Умер прекрасный поэт
Смертию страшной и жуткой...
Братья! Амурца уж нет,
Нет его брызжущей шутки...⁵

⁴ Чудаков Ф. И. Дочь шамана // Дятел, беспартийный. 1918. № 1–7 (подпись: «К. Резниченко»); Чудаков Ф. И. Из детства Ивана Грязнова // Дятел, беспартийный. 1918, № 3, 6 (подпись: «Язва»); Чудаков Ф. И. Изгнанники. Картина из жизни в ссылке. Благовещенск, 1918. 83 с.

⁵ «Светлой памяти Ф. И. и В. И. Чудаковых» // Однодневная газета. 1920. 13 марта. Газета была выпущена по случаю двухлетней годовщины со дня смерти Ф. И. Чудакова. «Амурец» – один из псевдонимов поэта, которым он подписывал фельетоны в стихах.

Как выразился один из авторов воспоминаний о Чудакове, последнему было «щедро отпущено природою чувства, понимания, владения фразой и стихом – словом, всего того, что именуется "талантом"»⁶. Это писалось, что называется, по свежему следу, когда ещё не вполне улеглось потрясение, вызванное драматической смертью поэта. Посмертных отзывов, содержащих высокую оценку его таланта, было немало. Можно допустить, что авторы их, лично знавшие Чудакова, пережившие и близко к сердцу принявшие факт его преждевременного ухода из жизни, не были свободны от пристрастий и к тому же не являлись профессиональными критиками. Но вот другой, более поздний отзыв – тоже по-своему пристрастный, но уже не дилетантский. В статье М. Басова «Ф. И. Чудаков», напечатанной в 1922 году в журнале «Сибирские огни»⁷, Чудаков назван «несомненно крупным поэтом», в стихах которого можно найти «ценные отзвуки целой эпохи и жизни Приамурья». Обращаясь к друзьям Чудакова и всем, кто его близко знал, автор статьи предлагал собрать воедино всё написанное поэтом – не только его стихи, рассеянные по страницам окраинных газет, но и более крупные творения, включая опыты в прозе и драматургии. Примечательно, что редакция «Сибирских огней», только начинавших тогда свою жизнь в семье советских «толстых» журналов, сочла нужным поместить статью о Чудакове в самом первом номере.

Конечно, отзывы современников требуют критической проверки, оценки должны быть подтверждены фактами. Но игнорировать их всё же не следует. В биографии поэта немало «белых пятен», к бесспорным фактам порой примешиваются легенды, возникшие – частью ещё при жизни Чудакова – на почве непроверенных слухов или созданные теми из мнимых «друзей» покойного, кто пытался спекулировать его именем в неблагоприятных политических целях. Только тщательное изучение фактов позволит отделить истину от всего случайного и наносного.

Приведённые в начале нашей статьи библиографические подробности могут показаться излишними. Думается, это не совсем так: «экскурс» в библиографию (точнее – в биобиблиографию), каким бы специальным он ни выглядел, в данном случае необходим, поскольку речь идёт о забытом поэте, след которого в литературе фактически затерялся. Имя Чудакова ныне можно найти лишь в старых указателях и словарях, изве-

⁶ Там же.

⁷ Басов М. Ф. И. Чудаков // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 158–161.

стных, за давностью выхода в свет, сравнительно немногим. В новейшем указателе «Русская литература Сибири»** оно даже не упомянуто. Здесь нашлось место дальневосточным поэтам Л. П. Волкову и П. Ф. Масюкову, но, как это ни печально, не нашлось места Чудакову, хотя последний обладал гораздо более ярким дарованием и в литературном плане был фигурой более масштабной, не укладывающейся в узкие рамки «местной» литературы.

Когда-то М. Басов в уже упоминавшейся статье, напечатанной в журнале «Сибирские огни», предлагал собрать воедино всё написанное Чудаковым, «начиная с его мелких творений и кончая крупными». В статье звучала тревожная нота: автор её высказывал опасение, что литературное наследие поэта может быть потеряно для будущих поколений. Показательно, что эта единственная, кажется, статья о Чудакове, появившаяся уже после его смерти в «толстом» журнале, заканчивалась призывом: «Сохраните поэта!»⁸

Это писалось в 1922 году, спустя четыре года после смерти Чудакова, когда были живы люди, близко знавшие его, заинтересованные в том, чтобы его имя не исчезло бесследно. Беспokoясь о посмертной судьбе поэта, сам писавший не предавался иллюзиям, но время, увы, оказалось безжалостнее, чем он думал. Стихотворений Чудакова нет ни в одной из антологий русской поэзии начала XX века, ни разу его имя не промелькнуло в изданиях «Библиотеки поэта», даже в примечаниях к ним, хотя в тех же изданиях можно найти целые россыпи «малых» имён, оставивших весьма скромный след в истории отечественной поэзии. Ещё печальнее судьба обширного, в жанровом отношении чрезвычайно разнообразного литературного наследия Чудакова. В этом наследии далеко не всё равноценно, много в нём преходящего и наносного, отдающего «газетой» и не отвечающего требованиям строгого вкуса. Газетная «подёнщина», бывшая порой для поэта настоящим проклятием, крайне неблагоприятно отражалась на его творчестве, отнимая время и силы, заставляя размениваться на мелочи. Однако даже лучшее из написанного и опубликованного Чудаковым ныне безнадежно забыто.

В чём цель нашей статьи? Разумеется, не в том, чтобы повторить призыв «сохраните поэта», тем более что он давно утратил свой изначальный смысл. Он прозвучал по свежему следу жизни и потрясшей многих траги-

⁸ Басов М. Ф.И. Чудаков // Сибирские огни. 1922. № 1. С. 161.

ческой смерти Чудакова, поэтому в нём больше эмоций, чем ясного понимания объективной художественной ценности его творчества как явления поэзии. Не является нашей целью и создание литературного портрета Чудакова: для этого требуется более полное и более точное знание фактов его творческой биографии. Для этого необходимо собрать всё, что поэт успел опубликовать за свою короткую жизнь, всё, что затерялось на страницах местных периодических изданий. Сделать это нелегко по целому ряду объективных причин. Дело в том, что поэт не раз становился жертвой цензурных и судебных преследований. До нас не дошёл сборник его стихотворений «Пережитое», изданный в Благовещенске в 1909 году и конфискованный по распоряжению жандармских властей***. Печальные для Чудакова последствия имела попытка выпустить сборник стихотворных фельетонов «Шпильки» (1909). Несмотря на то, что подавляющее большинство включенных в него фельетонов ранее было напечатано в благовещенских газетах, против автора и издателя было возбуждено судебное преследование, в результате чего сборник так и не дошёл до читателей****. Цензурным гонениям подверглись также номера сатирического еженедельника «Зея», в которых центральное место занимали стихотворения и фельетоны Чудакова. Короче, путь Чудакова как поэта и сатирика был усеян таким количеством терний, какое редко выпадало на долю дореволюционного журналиста, жившего и работавшего в тогдашней российской провинции. Чтобы сколько-нибудь полно воссоздать этот путь, необходимо ликвидировать «белые пятна» в его биографии, а их, к сожалению, довольно много.

Нам удалось обнаружить некоторые архивные материалы, в том числе документы, хранившиеся в совершенно секретных фондах жандармского ведомства, под неусыпным оком которого Чудаков находился на протяжении целых десяти лет, предшествовавших революции. Найденные документы позволяют выяснить некоторые обстоятельства биографии поэта, известные при его жизни сравнительно немногим и даже после смерти Чудакова остававшиеся загадкой для большинства почитателей его таланта. В частности, это касается обстоятельств его появления в Благовещенске в 1908 году и первых лет его сотрудничества в местных газетах. Обо всём этом печатные источники донесли до нас лишь обрывочные, порой противоречивые сведения. Наиболее интересные фактические данные удалось найти в фонде жандармского розыскного пункта г. Благовещенска, хранящемся в Центральном государственном архиве РФ Дальнего Востока (г. Томск).

Как уже было сказано, в Благовещенске Чудаков появился в 1908 году. Обстоятельства, предшествовавшие и сопутствовавшие его приезду в город на Амуре, долгое время оставались неясными. Теперь с точностью можно сказать, что в Благовещенск Чудаков приехал после побега с места ссылки, которую он отбывал за революционную деятельность в одном из глухих мест Енисейской губернии. В Благовещенске Чудаков поселился на одной квартире со своим товарищем Дмитрием Чернышёвым и его гражданской женой Варварой Ипполитовной Протопоповой, бывшей учительницей женской гимназии в городе Малмыже Вятской губернии. Скоро, однако, полиции удалось напасть на след беглеца. 1 января 1909 года в доме по Амурской улице, где жил Чудаков (между прочим, здесь он жил по подложному паспорту, выданному на имя крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко), был произведён обыск. Изъяты при обыске нелегальные брошюры и личные бумаги Чудакова, среди которых оказались письма, полученные от товарищей-ссыльных, дали в руки жандармов неопровержимые улики. И в тот же день Чудаков был арестован и доставлен в полицейский участок, откуда был передан в распоряжение жандармов. На допросе в жандармском розыскном пункте Чудаков назвал свою настоящую фамилию (скрывать её не имело смысла). Из его показаний, а также показаний Варвары Протопоповой, задержанной и подвергнутой допросу вместе с ним, явствует, что в Благовещенск все трое, включая Чернышёва, приехали в начале октября 1908 года из Красноярска, где жили в заимке неподалеку от города, скрываясь от полиции. К моменту ареста Чудакова его товарища уже не было в живых: будучи на последнем градусе чахотки, он ещё за два месяца до этого покончил самоубийством. Его гражданская жена Варвара Протопопова стала женой Чудакова.

Из протоколов допроса выясняются некоторые существенные подробности биографии Чудакова. Он родился в 1887 году в городе Чембаре (в 1948 г. переименован в Белинский. — *Примеч. редактора*) Пензенской губернии (дата рождения устанавливается исходя из данных о возрасте Чудакова, которому ко времени ареста исполнился двадцать один год), где отец его занимался сапожным ремеслом. Здесь, в Чембаре, Чудаков окончил городское трёхклассное училище в 1903 году. В 1906 году примкнул к местной группе партии социалистов-революционеров, в том же году был арестован, но вскоре освобождён. Второй арест последовал в 1907 году — на этот раз за распространение революционных прокламаций. После

нескольких месяцев заключения в Пензенской губернской тюрьме его приговорили к трём годам ссылки в Сибирь, которую Чудаков должен был отбывать в селе Червянка Енисейской губернии. Через год он бежал в Красноярск, сошёлся здесь с Чернышёвым, также сосланным в Сибирь по политическому делу и незаконно жившим под видом управляющего на ближней заимке. Сюда же приехала и Варвара Протопопова, чтобы, как она показала на допросе, ухаживать за своим больным мужем. В сентябре все трое отправились в Благовещенск, где Чудаков начал сотрудничать в газетах «Амурский край» и «Торгово-промышленный листок объявлений», а Протопопова зарабатывала на жизнь частными уроками. Больной туберкулёзом Чернышёв не сумел найти заработка и крайне тяготился своим положением человека, ставшего обузой для товарищей. Развязка наступила через несколько недель после приезда в Благовещенск: разуверившись в возможности найти для себя заработок, а главное – потеряв надежду на излечение, Чернышёв покончил с собой.

Сам Чудаков на вопрос о причинах, побудивших его бежать с места ссылки, ответил, что единственной причиной было якобы «абсолютное неимение средств к жизни».

После нескольких месяцев вольной жизни (если можно назвать «вольной» жизнь человека, скрывающегося под другим именем) Фёдор Иванович снова стал предметом неусыпной заботы жандармского ведомства. Снова его будущее, по его же словам, «творилось руками людей в голубых мундирах». Жандармский ротмистр Перков, о котором Чудаков впоследствии писал, что он был «обязательным отцом-крестным, воспринимавшим всю благовещенскую "политику" из революционной купели и передававшим на воспитание в здание "на горке"» (имеется в виду благовещенская тюрьма), «позаботился» – в меру своих прав и своего служебного рвения – о дальнейшей судьбе арестованного. Дело Чудакова было передано прокурору Благовещенского окружного суда, который привлёк его к ответственности за побег с места ссылки и проживание по подложному паспорту. Поскольку за учительницей гимназии из Малмыжа, кроме отношений с политическими, не числилось никаких «преступных деяний», она после задержания и допроса в жандармском розыскном пункте была выпущена на свободу.

В благовещенской тюрьме, куда был водворён Чудаков, содержалась тогда вся амурская группа эсеров, разгромленная и арестованная полицией ещё в 1908 году. Здесь были П. Сошников, М. Соловейчик, В. Досекин,

И. Сивков, В. Рихтер и другие. Ни с кем из названных арестантов Чудаков ранее не был знаком.

О пребывании в благовещенской тюрьме Чудаков рассказал позднее в воспоминаниях, печатавшихся в журнале «Дятел, беспартийный». Политические содержались в трёх камерах – всего 12 человек. «Я был тринадцатый», – не без иронии писал Чудаков. Среди политических, по его свидетельству, отношения были плохие, нервы у всех были напряжены до предела, часто вспыхивали ссоры. Все с тревогой ждали решения своей участи, искали виновных в провале организации, кое-кто замкнулся в себе, избегая контактов с «товарищами по несчастью». Атмосфера, царившая в камерах политических, произвела на Чудакова удручающее впечатление: она не шла ни в какое сравнение с тем, что ему пришлось испытать в пензенской тюрьме, где между заключёнными была товарищеская спайка, помогавшая пережить тяготы тюремной жизни. И это понятно: революция тогда ещё не потерпела поражения, все были полны оптимистических надежд, уверенно смотрели в будущее. Теперь политическая обстановка в России изменилась не в пользу революции, призыв «вперёд, без страха и сомненья» уже не действовал на людей с прежней силой.

Влившись в пёструю компанию политических арестантов, Чудаков пытался, по его словам, играть в ней роль связующего звена. Как человек новый, свободный от групповых и личных пристрастий, он начал агитировать за проведение общего собрания, которое «окончилось плачевно». Тогда-то и родилась идея издавать рукописный журнал. Инициатива принадлежала Чудакову и Сошникову. Так появился первый номер журнала «Арестант», в шутку названный «капризно-периодическим изданием». В журнале были передовые статьи, фельетоны, хроника. Нашлись неплохие карикатуристы. Журнал внёс оживление в тюремный быт, скрасив его однообразие.

Пребывание Чудакова в тюрьме продолжалось несколько недель. Мытарства его на этом не кончились. К сожалению, ни документы, ни воспоминания самого Чудакова не дают полной картины полицейских и судебных преследований, которым он подвергался в первые годы жизни в Благовещенске. Здесь много загадок, подчас неразрешимых. Неизвестно, например, почему после ареста и заключения в благовещенской тюрьме он не был водворён на место ссылки, почему судебный приговор по делу о побеге был приведён в исполнение, если верить полицейским документам, только в 1910 году, почему Чудаков, судя по тем же докумен-

там, отделался сравнительно лёгким наказанием – двумя неделями ареста при полиции, почему в 1911 году он проживал в Благовещенске без паспорта; почему в полицейских и жандармских документах вплоть до февраля 1917 года Чудаков значился как «крестьянин из ссыльных Амуро-Зейской волости» и т. д. Чтобы прояснить картину, понадобится, очевидно, более тщательное изучение архивных материалов.

Как уже было сказано, сразу по приезде в Благовещенск в начале октября 1908 года Чудаков начал сотрудничать в местной печати. Его стихотворения за подписью «К. Резниченко» появились в газетах «Амурский край» и «Торгово-промышленный листок объявлений» (последняя газета в 1910 году была преобразована в «Амурский листок»). За подписью «К. Рез.» в «Амурском крае» было напечатано несколько его рассказов и очерков. Так, в новогоднем номере этой газеты за 1909 год (№ 1, 1 января) опубликован рассказ «На сохатиных ямах» – из быта политических ссыльных в Сибири. В рассказе описан трагический случай, происшедший в енисейской тайге: двое ссыльных – Коля и Макс – роют сохатиную яму, первый заболел и ушёл в охотничью избушку, второй, оставшись в одиночестве, был задавлен медведем. Любопытно, что рассказ «На сохатиных ямах» появился в газете накануне ареста Чудакова и как будто давал жандармам повод для предположения, что живущий в Благовещенске «крестьянин Кузьма Резниченко» (нетрудно было догадаться, что за подписями «К. Резниченко» и «К. Рез.» скрывается одно и то же лицо) и есть разыскиваемый ими беглый политический ссыльный. Можно даже подумать, что «неосторожность» Чудакова сыграла роковую роль, став причиной его ареста. В действительности это не так: судя по документам, настоящее имя «Кузьмы Резниченко» стало известно жандармам ещё до появления рассказа в газете. Секретная переписка по делу о розыске Чудакова велась уже в декабре 1908 года. Ордер на обыск в его квартире был выписан 31 декабря 1908 года. Публикация рассказа не могла ускорить полицейский розыск, хотя и давала в руки жандармов дополнительную улику.

После освобождения из тюрьмы Чудаков стал постоянным сотрудником газеты «Амурский край». Когда-то «Амурский край» снискал себе славу прогрессивного органа печати, главным образом благодаря участию в нём политических ссыльных. Напомним, что первым фактическим редактором «Амурского края» был Л. Г. Дейч, что в состав его редакции входили С. С. Синегуб, А. В. Прибылёв, А. П. Прибылёва-Корба, Э. А. Плосский – люди, хорошо известные в революционной среде.

Хотя к 1905 году лишь немногие из прежних сотрудников газеты выступали на её страницах, «Амурский край» оказал довольно заметное влияние на ход революционных событий в Благовещенске, а когда местную печать захлестнула волна правительственных репрессий, был даже приостановлен изданием за «вредное направление». К моменту появления Чудакова в Благовещенске лучшие времена газеты были уже позади: после возобновления издания «Амурский край» начал постепенно скатываться вправо, всё более поддаваясь веяниям эпохи реакции. Политическое лицо газеты определялось в эти годы её редактором Г. И. Клитчоглу, который, в зависимости от политической ситуации, называл себя то «социалистом», то «радикалом», оставаясь, в сущности, деятелем буржуазно-либерального толка. В 1905 году Клитчоглу пытался даже создать в Благовещенске свою доморощенную «земско-демократическую» партию с откровенно буржуазной программой. Репутация «Амурского края» как печатного органа была подорвана мелкотравчатой критикой марксизма, который изображался как якобы чужеродное явление, искусственно перенесённое на русскую почву с Запада, а потому не имеющее прочных корней в русской политической жизни.

В 1909 году газета Клитчоглу, как говорится, дышала на ладан. Изменение общественно-политического курса газеты коснулось и печатавшихся в ней материалов сатирической направленности. Здесь тоже происходило явное смещение акцентов. Как и во всей тогдашней «легальной» сатире, объектом осмеяния становились не столько факты политической жизни России, сколько общественные нравы и порядки эпохи «безвременья».

Последней яркой вспышкой политической сатиры были печатавшиеся в «Амурском крае» (и в «Торгово-промышленном листке объявлений») фельетоны Чудакова. Однако попытка возродить традиции боевой сатиры 1905–1906 годов заведомо была обречена на неудачу: общественная атмосфера времени не благоприятствовала этому, возможности окраинной печати, обескровленной жестокими правительственными репрессиями, даже в лучшие времена не научившейся смеяться, и вовсе были иллюзорными. Рассеять мрачную атмосферу фельетоны Чудакова, конечно, не могли.

В первые годы пребывания в Благовещенске Фёдор Чудаков сотрудничал и в сатирическом журнале «Колючки» (1909–1910). Объявление о подписке, напечатанное в № 1 «Колючек», свидетельствовало о том, что инициаторы «литературно-сатирического журнала» не предавались иллю-

зиям относительно его будущего. Неудача с изданием сборников «Шпильки» и «Пережитое» оставила в душе Чудакова горький след. Положение поднадзорного, без вида на жительство в Благовещенске, угроза нового ареста и высылки также не настраивали на оптимистический лад. Это не могло не сказаться на содержании, а ещё более – на общем тоне фельетонов Чудакова, печатавшихся в «Колючках».

В «Опыте Благовещенского энциклопедического словаря» есть объяснения слов, навеянные не столько фактами местной жизни, сколько личной судьбой автора: журналист – «человек, про которого сказано: не так живи, как хочется, а как жандарм велит», заартачиться – «будучи русским писателем, не хотеть в тюрьму» и т. п.

Уже в первом номере журнала появился фельетон Чудакова «Куски жизни грубой и бедной» (за подписью «Язва»), начинавшийся словами: «Вся русская жизнь стала маленьким фельетоном, смешнее и неожиданнее всякого нашего измышления»⁹. Этот вывод подтверждается выдержками из газет, сообщавших о фактах отнюдь не безобидного свойства: по ним читатель мог судить, к каким печальным результатам привела столыпинская политика «успокоения» России. Выражение «маленький фельетон» приобретает иронический смысл.

Эта тема продолжена в фельетоне того же названия, помещённом в другом номере «Колючек». В нём высмеиваются мракобесы и погромщики, «безнадёжно влюблённые в русский народ». Имена Пуришкевича, Маркова 2-го, Дубровина, Илидора то и дело появляются на страницах журнала. Например, шуточная сцена «Колдунья» заканчивалась такой картиной черносотенного «шабаша»: «Хохочет Дубровин. Ноет выпью Илидор. Квакает "Русское знамя". Жуть»¹⁰.

В стихотворном фельетоне «Желчные песни» выведен «патриот», плачущий о русском народе, собирающий слёзы во флакон:

Эти слёзы я пролил за русский народ!
Эти слёзы – печаль мировая!
Бескорыстные слёзы! Их лил патриот
За дымящейся чашкою чая!

⁹ Колючки. 1909. № 1. 8 ноября. С. 6–9.

¹⁰ Колючки. 1909. № 3. 22 ноября (подпись: «Босяк»). «Русское знамя» – черносотенная газета, орган «Союза русского народа».

Всем было известно, что «бескорыстная» любовь к народу и «бескорыстные слёзы» субсидировались правительством.

«Патриоты», «истинно русские люди» выступают в фельетонах Чудакова как гасители народной мечты о свободе, как олицетворение самых тёмных сил реакции. Названные выше вожди черносотенцев всегда ассоциируются с образом ночи.

В легальном журнале писать о революции было рискованно, открытое выражение сочувствия ей фактически исключалось. Но мог ли Чудаков не писать о лучшей поре своей жизни? В одном из фельетонов читаем такие строки: «Революция задушена в корне и корчует теперь сибирскую тайгу...» В контексте авторских размышлений эта фраза имеет отнюдь не иронический смысл: за ней стоит «пережитое» – боль за революцию, горечь за её поражение и, безусловно, память о товарищах по сибирской ссылке. Смеяться над «пережитым» для поэта было бы кощунством.

Часто фельетоны строятся по принципу контраста: «прежде» и «теперь». Прежде – революция (стихотворение «В этот мир борьбы и гнева» – 1910. № 7. 24 января), теперь – «Подайте, Христа ради!» Прежде шёл «жаркий бой» с неправдой, теперь один редактор «просит Христовым именем хоть чуточку свободы слова», а другой редактор молит «о субсидии». Фельетон Чудакова «Кинжальные слова» написан по поводу постановки в театре общественного собрания пьесы В. Андриенко «Идея». Читающей публике Андриенко был известен как автор рассказов, печатавшихся в газетах Благовещенска и Владивостока, а зрителям – как автор пьес, ставившихся иногда на местной сцене. В фельетоне Чудакова новая пьеса метко охарактеризована как «изящная риторика» бесталанного драматурга, откровенно подражавшего символической манере Л. Андреева («Царь-голод»). В пьесе действовали не живые люди, а персонифицированные понятия: Труд, Капитал, Идея. Политическая фразеология была заимствована автором из кадетских брошюр. Остроумно высмеяв содержание доморощенного опуса Андриенко, Чудаков объяснил причину его «успеха» у публики: «Значит, очень уж вкоренилась в нас обывательщина, что даже трафаретные кадетские фразы кажутся нам революционными...»¹¹

Показательна концовка фельетона: «Будь эта пьеса показана в девятьсот пятом году, ей начали бы свистать. А теперь рукоплещут»¹². В пьесе Андриенко Чудаков увидел некое знамение времени...

¹¹ Колючки. 1909. № 4–5 (подпись: «Босьяк»).

¹² Там же.